

трудящихся под вывеской их „защиты“ феодалами. Это лучше всего доказывает то положение, что аналогичные идеи исходили и от самих феодалов. Князь Владимир Мономах ставит себе в „Поучении“ в особую заслугу то обстоятельство, что он „и худаго смерда и убогие вдовице не дал есм силным обидети“.¹ „Поучение“ дает нам понять, почему киевская знать вынуждена была в 1113 году пригласить Владимира Мономаха, чтобы утолить мятеж и „голку“ в людях: как последовательный проводник политики патроната он действительно мог быть популярен в народных массах.

Идеи патроната имеют еще и потому особенное значение, что при феодализме власть политическая и власть экономическая стремятся к слиянию. Князья превращают дань в ренту. Князь стремится быть землевладельцем, найти в своей вотчине опору экономическую и политическую. Князь становится хозяином. Неудивительно, что и в политической и в экономической области выдвигаются одни и те же идеи „защиты“. Это особенно отчетливо проявляется в период феодальной раздробленности. Князь—хозяин; именно эту черту подчеркивает в своем „Поучении“ и Владимир Мономах: „Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокою; на посадники не зря, ни на биричи, сам творил, что было надобе, весь наряд, и в дому своємь то я творил есмь; и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколах и о ястребах“.² Таков новый идеал князя—князя-хозяина.

Расширяются функции княжеской власти; „И церковного наряда и службы сам есм все призирал“.³ Князь заботится обо всем: церковь тоже ему важна. Он заботится об идеологическом обосновании своей власти. Князь—всесторонен, у него теперь больше забот.

Идеи патроната были необходимы прежде всего самим феодалам. Это была классовая политика феодалов—их идейное оружие, с помощью которого они выдавали себя за защитников общенародных интересов. Идеи патроната затушевывали классовую сущность власти феодалов.

Необходимость соблюдать патронат в период феодальной раздробленности объяснялась и тем, что смерды могли легко уйти к другому феодалу, в чужую землю. Так было, например, на грани XI и XII веков, когда после съезда в Уветичах князья-участники обратились к Ростиславичам: „а холопы наши и смерды выдаита“.⁴

В обязанности князя входило „блюсти смерд“—прежде всего с точки зрения интересов самих феодалов, чтобы смерды не перешли к другим феодалам. Вот почему обвинение новгородского князя Всеволода Мстиславича в том, что он „не блюдет смерд“,⁵ могло исходить от местных феодалов, а не от самих смердов, как думают некоторые историки.⁶ Михаил Черниговский целовал крест на всей воле новгородской „вда свободу смърдом на 5 лет даний не платити, кто сбежал на чюжую землю; а сим повеле, къто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань“.⁷

¹ Повесть временных лет, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 163.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ипатьевская летопись, под 1100 г., стр. 181 (здесь и дальше цитируется по ПСРЛ).

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, под 1136 г., стр. 24.

⁶ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. IV, 1929.

⁷ Новгородская первая летопись... под 1229 г., стр. 68.